



Title	Японская диаспора во Владивостоке : страницы истории
Author(s)	Моргун, Зоя
Citation	Acta Slavica Iaponica, 14, 136-156
Issue Date	1996
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8096
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034065.pdf



Японская диаспора во Владивостоке: страницы истории*

Зоя Моргун

Интерес к истории русско-японских отношений всегда проявляли ученые, политики, журналисты и другие категории граждан России и Японии. Как правило, в фокусе внимания были дипломатические, экономические, в том числе рыболовные отношения, проблемы русско-японской войны 1904–1905 гг., интервенции в Сибири и Приморье, комплекс проблем, связанных с второй мировой войной, включая проблему северных территорий. Это нередко способствовало поддержанию натянутости в отношениях.

Но была еще очень яркая страница — жизнь японской диаспоры на Дальнем Востоке, охватывавшая период с 1870-х гг. до 1938 г. На наш взгляд, именно в этой области русско-японской истории можно почерпнуть примеры гуманистических отношений русских и японцев, наблюдать, как с пользой для обеих сторон можно строить повседневную жизнь.

* * *

Во время поездки в соседнюю страну сбылась моя мечта посетить г. Цуруга. К вечеру, когда непривычная для владивостокцев июньская жара уже начала спадать, вместе с профессором Фудзимото мы добрались до подножия высокой горы, на вершине которой некогда находился сгоревший во время пожара храм “Канагасаки”. Возбравшись наверх по каменным ступеням, мы окунулись в предчувствие какой-то исторической тайны.

Вековые деревья раскинули свои кроны над гранитными столбами, стоявшими в ряд вдоль ступеней и по краю небольшой площадки, где некогда находился храм. При внимательном рассмотрении этих столбов, можно было прочесть фамилии японцев, живших во Владивостоке в конце прошлого — начале нынешнего столетия. Время разрушило поверхность гранитного камня, поэтому многие имена едва можно было разобрать. И вот спустя восемь десятилетий читаю названия магазинчика “Хаяси кайсо”, гостиницы “Такахира рёкан”, публичного дома “Кинтокитэн”, торговой фирмы “Кёсин ёко” и еще нескольких заведений, пожертвовавших деньги этому храму. Многие столбы упали с крутого обрыва и канули в небытие.

В дореволюционной России юг Дальнего Востока, и особенно расположенный здесь Владивосток, выполнял триединую стратегически важную функцию: торгово-коммерческого канала, военно-морской базы и места схождения иммиграционных потоков из России, Китая, Кореи, Японии. Быстрейшее заселение Южно-Уссурийского края как первоочередная задача не было чисто внутригосударственным делом, а являлось серьезнейшим экономическим, политическим и военным мероприятием царского правительства в отношениях с соседними странами. Начиная с 70-х годов XIX в. интенсивно строились города и села, сооружались дороги и порты, закладывалась промышленность и развивалось сельское хозяйство, расширялась торго-

вля.

Однако все отрасли хозяйства испытывали острый недостаток рабочей силы. Эта проблема в большой мере решалась за счет привлечения в Приморье трудовых ресурсов из-за границы. Одновременно с заселением края россиянами, украинцами хлынул огромный поток китайцев, корейцев, японцев.

Корейская иммиграция с самого начала носила замлельческий характер. К 1911 г. корейцы обрабатывали 46,2% посевных площадей южной части Приморской области. Они работали чернорабочими на стройках, грузчиками в порту. Наиболее богатые, в основном имевшие русское подданство, строили небольшие заводы, мельницы, открывали магазины. В сельской местности, в отличие от китайцев, жили деревнями.¹

Китайское отходничество нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, китайские рабочие своим трудом способствовали хозяйственному освоению края: огородничество, торговля и предпринимательство, тяжелые работы на строительстве военных сооружений и железных дорог, в горнорудной и лесной промышленности, а также в сфере бытовых услуг. В то же время расхищение природных богатств китайскими промысловиками, распространение ханшина и опиума, а также закабаление аборигенного населения китайскими торговцами, антирусская пропаганда цинских агентов — все это наносило вред национальным интересам России.²

Первые японские иммигранты появились в конце 60-х годов XIX в. Японцев по сравнению с китайцами и корейцами было мало. Если в первой четверти XX столетия постоянное число китайцев в крае было в пределах 80–90 тыс. чел., корейцев к 1917 г. во Владивостоке проживало около 100 тыс., японцев — не более 5 тыс. чел. Однако они монополизировали сферу обслуживания. “Нет ни одного крупного центра в Приамурье, где бы не было японских, а иногда только японских парикмахерских, прачечных, мастерских золотых дел и часовых, фотоателье, портняжных и столярных”.³ Большинство японских предприятий относилось к низшим разрядам, т. е. с небольшой суммой производства и незначительным числом наемных рабочих, однако были и довольно крупные, относившиеся к разряду выше пятого. Японцев отличали хорошая организованность и строгая подконтрольность японскому консулу. Все они были обязаны вступать в члены японского общества “Урадзио кёрюминкай”. Дети и взрослые, не владевшие русским языком, посещали японскую начальную школу. Для отправления культовых обрядов функционировали буддийская молельня “Урадзио хонгандзи”.

Около полувека Владивосток был для японцев открытым городом, второй родиной, где для кого-то успешно, для кого-то и трагично, а в целом во всем многообразии жизненных ситуаций прошла значительная часть жизни. Здесь любили, рожали детей, начинали свой бизнес, приобретали друзей среди русских; попадая в бурный водоворот российской истории, ломавшей привычные устои, теряли все нажитое, но, вернувшись в Японию, тосковали о прошлом. Для потомков остались малопонятные фото в семейных альбомах, рассказы дедушек и бабушек о юности, прошедшей во Владивостоке, да пожелтевшие документы в российских и японских архивах надежно хранят свидетельства взаимоотношений русских и японцев. Эти документы послужили основным материалом для исследования. Мы не претендуем на строго научное и всеобъемлющее освещение темы. Это лишь некоторые страницы из истории японцев

во Владивостоке. Японские материалы вводятся в научный оборот на русском языке впервые.

“Общество японцев, проживающих во Владивостоке”

В Приамурском крае и Восточной Сибири существовало 12 японских обществ, находившихся в населенных пунктах, где проживали японцы. Наиболее крупным и известным являлось “Общество японцев, проживающих во Владивостоке” [Урадзю кёрюминкай].

К 1885 г. во Владивостоке возникло несколько корпораций среди японцев, объединившихся по отраслям труда. В 1892 г. все корпорации были объединены в одно целое под общим названием “Домэйкай” [Общество корпораций]. Управлялось общество комитетом из выборных представителей с выборным председателем. Однако часть японцев оставалась вне общества, так как представители не всех профессий успели объединиться в корпорации. Поэтому в 1895 г. общество “Домэйкай” было преобразовано в “Дохокай” [Общество земляков]. Специальным постановлением всем японским подданным, проживавшим во Владивостоке, предписывалось обязательно вступить в члены этого общества. С 1902 г. оно стало именоваться “Урадзю кёрюминкай”, и тогда же была выработана новая редакция его устава.⁴

Владивосток не был каким-то особым местом для возникновения японского общества. Японцы, проживавшие в разных местах Китая и Кореи, обязательно учреждали свои организации для самоуправления. Руководил обществом избранный под надзором консула председатель. Японские законоположения, относящиеся к японским селлементам в Китае, появились с 1897 г. В Марте 1900 г. было издано общее положение о чинах распорядительных комитетов специально управляемых японских селлементов. Во Владивостоке не было японского селлементов, японцы жили вперемешку с местным населением, но стремились к созданию органа самоуправления наподобие такового в японских селлементов. В 1902 г., как уже было сказано, в название общества японцев был введен термин *кёрю* — *кёрюминкай* [общество резидентов].⁵

8 марта 1905 г. в Японии был издан высочайший указ №41 “Закон об ассоциациях японских подданных, проживающих за границей” [Кёрюминданхо]. Согласно этому закону, ассоциации японских резидентов находились в ведении министра иностранных дел, который выносил решения об их учреждении или ликвидации и принимал прочие постановления. В этом законе впервые говорилось не только о японцах, проживающих в селлементов различных государств, но и о японцах, проживающих совместно с коренными жителями.⁶

Владивостокское общество подчинялось консульству и ведало следующими делами: выдача паспорта, разрешение на жительство, обращение в полицию обеих стран, надзор за соблюдением почтовых правил, разрешение спора, вопросы воспитания и образование детей, взаимопомощь, ремонт кладбища и крематория, санитария.⁷

Согласно уставу общества, оно имело три главные цели: воспитание в японских подданных, в членах этого общества, духа самоопределения, содействие экономическому благосостоянию японцев и культурное развитие проживающих во Владивостоке японцев.⁸

Действительные члены общества подразделялись на 14 групп: 1) владельцы торговых домов, 2) доктора, 3) командированные с научной целью, 4) портные, 5) содержатели гостиниц и ресторанов, 6) прачки, 7) часовщики и ювелиры, 8) парикмахеры, 9) плотники, 10) маляры, 11) фотографы, 12) кузнецы, 13) владельцы чайных и публичных домов, 14) занимающиеся другими разного рода промыслами.⁹

Общество имело свой выборный орган управления, который включал председателя и вице-председателя, десять членов Совета, несколько помощников членов Совета, одного инспектора и нескольких секретарей. Члены Совета получали жалование. Благодаря обществу, японцы были сплочены, через отраслевые профессиональные организации имели возможность получать более выгодные заработки. Членские взносы, взимавшиеся в зависимости от рода деятельности, вносились ежемесячно и, как отмечал С. Граве, являлись “замаскированными подоходными налогами”.¹⁰

Русские власти относились к этому обществу с настороженностью, так как оно не было официально зарегистрировано в местных органах власти, считали его государство в государстве, органом сбора сведений, представляющих особую важность, например об оборонных мероприятиях во Владивостоке и в целом в Приморском крае.

Урадзио кёрюминкай являлось “самостоятельным, чисто национальным органом самоуправления местного японского населения, объединившим его в одно целое”, оно также было вспомогательным органом японского консула.

Японская школа

Значительная часть японских иммигрантов пребывала во Владивостоке продолжительное время вместе с семьей. С открытием буддийской молельни на Семеновской улице в 1894 г. здесь начались занятия для детей младшего школьного возраста. Школа, если так можно назвать однокомнатное помещение, содержалась на пожертвования заинтересованных лиц, т.е. родителей этих детей. С марта 1902 г. расходы на ее содержание были включены в смету расходов коммерческого агента и общества “Урадзио кёрюминкай”. К тому времени в школе работали два учителя, обучавшие 50 детей. Во время русско-японской войны, естественно, школа была закрыта.

Стремительный рост числа японских иммигрантов, начиная с 1907 г., после подписания ряда соглашений, в том числе торгового, по которому японским гражданам предоставлялся режим наибольшего благоприятствования, обусловил необходимость открытия школы для японских детей. Ранее существовавшая при молельне школа уже не отвечала потребностям ни в местах, ни в качестве обучения. Фактически японская элементарная школа была заново открыта 2 сентября 1907 г. Японское консульство в конце 1908 г. возбудило ходатайство через генерал-губернатора Приморской области о разрешении открыть школу на основании российских законов.¹¹

В отчете В.В. Граве приведено следующее описание школы: Японская школа официально состоит при Японском консульстве и открыта в 1909 году... Школа помещается в третьем дворе одного из домов по Китайской улице, сплошь населенного японцами, в низком одноэтажном флигеле из четырех комнат.¹²

По всей вероятности, в отчете В.В. Граве дата открытия школы указана неточно.

В ответ на ходатайство консульства, а затем и Японского посольства российс-

кий министр народного просвещения сделал представление об открытии школы в Совет министров 2 августа 1910 г. На заседании Совета министров 16 февраля 1912 г. было дано согласие на открытие только двух школ на территории России для детей иностранцев: германских в Одессе и японских во Владивостоке (при условии, что школа должна была быть подчинена местному учебному начальству, а план преподавания и программа учебного курса должны быть утверждены этим начальством).

И лишь 27 июня 1913 г. Министерство народного просвещения уведомило Приамурского генерал-губернатора, что открытие школы разрешается с преподаванием на японском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии России, которые должны преподаваться на русском языке. К школе применялось законодательство о частных учебных заведениях, изданное в 1893 г. и продленное в 1906 и 1908 гг.

Приамурский генерал-губернатор информировал министра народного просвещения о том, что еще до официального разрешения школа существовала под надзором японского консульства, а главную заботу о нем взяло на себя “Общество японцев, проживающих во Владивостоке”. Преподавательский состав назначался японским министром народного просвещения. В 1911 г. в школе обучалось 100 детей по программе начальной японской школы с дополнительным преподаванием русского языка.¹³

Получив разрешение российских властей на легальное существование, школа смогла приобрести собственное помещение на средства, пожертвованные японскими жителями Владивостока. На участке, арендованном у частного лица, было куплено деревянное двухэтажное здание по адресу: ул. Фонтанная, дом №19. Правда, помещение не вполне соответствовало школьным требованиям: пять классных комнат, учительская, пять квартир для учителей, совмещенные физкультурный зал и раздевалка.

Школа находилась в ведении попечительства, состоявшего из председателя и семи членов, избравшихся всеми жителями-японцами г. Владивостока сроком на один год и утверждавшихся в должности японским консулом; через него же поступали инструкции от японского Министерства народного просвещения. Попечительство обязано было изыскивать средства на содержание училища, приглашать преподавателей, наблюдать за учебной и хозяйственной частью, контактировать с местной русской Инспекцией народных училищ.¹⁴ Количество школьников год от года возрастало, и в 1915 г. здесь обучалось уже 165 детей и работало 5 японских учителей, включая директора.

В помещении начальной школы функционировала вечерняя школа русского языка для приказчиков местных японских магазинов и других лиц, желавших овладеть азами русского языка. Эта школа принадлежала “Владивостокскому обществу любителей торговли” [Урадзю сёюкай]. В ней обучалось примерно 80 продавцов. Уроки вел Идзуми Рёносукэ, выпускник Токийского института иностранных языков (с декабря 1917 г. стал редактором газеты “Урадзю ниппо”, в школе работал с 1907 г. Каваками Хидэо, выпускник того же института, учительствовал в этой школе с 1911 г., в то же время работал и русский учитель Карецкий. В течение двух лет учащиеся обучались в четырех классах по 6 месяцев в каждом.

Почти 20 лет функционировала японская школа до получения официального

разрешения на открытие. В течение этого времени несколько поколений японских детей получали возможность учиться, как и их сверстники на родине. В 1914 г. школа смогла приобрести собственное помещение и работала до выезда японцев из Владивостока.

Из истории японского предпринимательства во Владивостоке

Исходный рубеж предпринимательской деятельности японцев можно условно обозначить 1876 г., когда была учреждена должность японского коммерческого агента во Владивостоке. С этого времени и до ноября 1922 г. дважды происходил взлет предпринимательской активности японцев. Первый пик приходится на начало XX в., т.е. канун русско-японской войны. С открытием военных действий (февраль 1904 г.) японцы покинули пределы России. После заключения Портсмутского мира далеко не все из них пожелали вернуться во Владивосток и населенные пункты Приамурья. Большая часть обратила свои взоры на Китай, особенно на те места, где разворачивалась активность России: Харбин и в целом КВЖД.

В последующие годы, начиная с 1907 г., японское предпринимательство вновь имело тенденцию роста. Особенно увеличилось количество заведений сервисного типа с началом японской интервенции в Приморье в 1918 г. С эвакуацией японских войск из России на родину выехало почти все японское гражданское население, хотя незначительное число японских торговых и других заведений еще оставалось во Владивостоке.

В прошлом веке Владивосток был оторван от центральных областей России. До начала нынешнего столетия не было транспортной магистрали через Сибирь и дальневосточные земли. Морской путь вокруг Африки занимал несколько месяцев. На месте почти ничего не производилось. Но у города уже в те времена просматривалось большое будущее. Таким положением дел воспользовались как русские, так и иностранные торговцы. В городе открывались крупные торговые дома. С 1875 г. успешно работал торговый дом “Иоганн Лангелитъе и Ко”, начал свои торговые операции основанный в 1878 г. в Иркутске торговый дом “Чурин и Ко”, в 1880 г. был основан торговый дом “Бринер, Кузнецов и Ко”, в число крупных торговых заведений входил и торговый дом “Линдгольм”, было построено новое здание торгового дома “Кунст и Альберс”. В 1884 г. в городе имелось 104 магазина и лавки, японцы владели лишь небольшими торговыми заведениями. Но уже к 1891 г. во Владивостоке вели торговлю 7 японских магазинов. “Сугиура сётэн” относился к высшему 1 разряду вместе с вышеуказанными русскими и немецкими торговыми домами. “Като сётэн” являлся торговым заведением 2 разряда, его капитал не был так велик, и поэтому хозяину приходилось брать кредиты у иностранцев. Другие японские магазины торговали солью, сею, рисом, мукой, бобами, овощами, фруктами, шелком, хлопком, товарами повседневного спроса, ювелирными изделиями, мебелью, посудой, чаем, фарфором.¹⁵ Впервые попавшие во Владивосток иностранцы поразились принципам торговли, цены прыгали, а в японских магазинах можно было купить все — от товаров повседневного спроса до украшений.

В 1894–1895 гг. во Владивостоке было уже 12 японских магазинов 2 разряда, т.е. их количество увеличилось в 2,2 раза. Среди них были “Нисидзава сётэн” и

“Окабэ сётэн”, открытые выходцами из Осака, “Хинодэ сётэн”, “Кобаяси сётэн”, “Исибаси сётэн”, “Кимура сётэн”, “Мацусита сётэн” — выходцами из Нагасаки, “Тэрамати сётэн” (преф. Айти), “Кавабэ сётэн” (Ибараки), “Мукай сётэн” (Ниигата), “Окумура сётэн” (Сига). Таким образом, почти половина японских торговцев прибыла во Владивосток из Нагасаки, центра японской иммиграции во Владивосток.¹⁶

В 1902 г. насчитывалось 54 японских магазина, из них 22 относились к 2 разряду и 32 — к третьему. Как правило, магазины назывались по фамилии их владельца, например: Кобаяси, Канемори, Тани, Кимура, Окумура, Кондо, Нагата, Тояма, Киотаки, Китано, Кидо, Икеда, Тикати, Хоризэ, Ота, Нисикава, Ито, Куранари, Хасимото, Иванага, Араки.¹⁷

Японское предпринимательство в торговой сфере быстро набирало силу. Но японцы преуспели не только в торговле. По данным анкетного обследования, в 1903 г. из 281 предприятия (без торговых и транспортных) во Владивостоке 92 принадлежало японским владельцам, т.е. японцы составлявшие всего 3,2% владивостокских жителей, владели 32,7% городских ремесленных и фабрично-заводских заведений.¹⁸ Они практически монополизировали стирку белья, парикмахерское дело, столярные мастерские, изготовление обуви и одежды, ювелирные и часовые мастерские. Во Владивостоке 4 страховые компании имели свои представительства: “Токио кайдзэ хокэн гайся” была представлена “Нихон юсэн ситэн”, а “Сугиура сётэн” представляла “Мейдзи сэймэй хокэн гайся”. “Осака сэймэй хокэн гайся” и “Нихон кайдзе хокэн гайся”.¹⁹

Японские торговые и ремесленные предприятия обслуживали местное население Владивостока и японских сограждан, число которых росло, хотя и медленнее, чем других выходцев из соседних стран — Китая и Кореи. По сведениям собранным П. Васкевичем, в 1875 г. во Владивостоке проживало 50 японцев, в 1878 г. — 80, в 1880 г. — до 100 чел. Значительно быстрее японское население стало увеличиваться с 1881 г. после открытия регулярного пароходного сообщения между Владивостоком и Нагасаки. В 1884 г. японцев уже было 412 чел. С 1891 г., с началом строительства Транссиба, в связи с появившимся спросом на рабочие руки рост японского населения происходил более быстрыми темпами: 1891 г. — 515 чел., 1892 г. — 668, 1893 г. — 956, 1894 г. — 856, 1895 г. — 1.284, 1896 г. — 1.422, 1897 г. — 1.607, 1898 г. — 1.670, 1899 г. — 2.185, 1900 г. — 2.216, 1901 г. — 2.848, 1902 г. — 2.996 чел.,²⁰ т.е. число японских граждан увеличилось почти в 6 раз.

После подписания Портсмутского мирного договора, означавшего восстановление отношений между Россией и Японией, во Владивосток вновь начали прибывать японцы. По данным Статистического комитета Приморской области, в крае проживало японцев: в 1906 г. — 2.935 чел., 1907 г. — 3.061, 1908 г. — 4.047. По данным японского генерального консула во Владивостоке в 1906 г. — 5.692 чел., 1907 г. — 3.967, 1908 г. — 3.437, 1909 г. — 3.131 чел. (сезонные рабочие, приезжавшие на рыболовный сезон, в статистику не включены). Эти данные для края в целом, но следует учесть, что примерно половина всех японцев концентрировалась во Владивостоке. По российским данным, наблюдалась тенденция роста количества японских поселенцев, а по сведениям генерального консула, шло сокращение числа японских подданных.²¹ Думается, что все-таки происходило увеличение количества

японских предпринимателей, так как в силу торгового договора 1907 г. японцы пользовались режимом наибольшего благоприятствования.

Отмена порто-франко во Владивостоке 16 января 1909 г. нанесла удар по японским коммерсантам, так как все товары, продаваемые ими, ввозилось из-за рубежа, главным образом из Японии, Китая, Кореи. Из-за высокой пошлины совершенно прекратился ввоз вермишели, на которую был значительный спрос со стороны китайцев и корейцев во Владивостоке. Ряд наиболее предприимчивых торговцев, которые еще до войны обосновались во Владивостоке, быстро приспособились к новым условиям. В частности, Хориэ построил фабрику по изготовлению вермишели и продолжал успешно сбывать ее у местного китайского и корейского населения. Аналогичная ситуация сложилась в торговле минеральными водами, которая полностью находилась в руках японцев. Кобаяси, самый крупный торговец этим видом товара, открыл завод по изготовлению минеральной и фруктовой воды и прохладительных напитков, снабжая практически все гостиницы, рестораны, чайные города. Японские коммерсанты также приступили к строительству на месте рисоочистительных мельниц, сырье для которых ввозилось из Кореи в виде неочищенного риса, не облагавшегося пошлиной. Пионерами в этом деле были японские фирмы “Кёсин ёко сэймайдзё”, владельцем которой был Оосаки Кисаку, “Сэноо сэймайдзё” и “Сакома сэймайдзё”, находившиеся в совместном пользовании у Куранари Асакити и Сэноо Кисаку.

Семь наиболее крупных японских владельцев магазинов: братья Мацуда, Нагата, Суго, Канегаи, Оота, Хориэ, Сэноо, а также торгово-закупочная компания “Кёсин ёко” — стали закупать товары, главным образом одежду, у русских производителей в европейской части России у известных одесских и московских фирм, несмотря на высокую стоимость перевозки товаров.²²

В городе функционировали три японские гостиницы: “Фусося”, “Токунага рёкан”, “Токусё рёкан” и наиболее уважаемые японские рестораны, такие как: “Какудзёкан”, “Кинтокитэн”, “Токива”.

В целом же закрытие порто-франко во Владивостоке вызвало всеобщий застой в делах. Японские торговцы, особенно мелкие, несли убытки. Только около 40 японских магазинов извлекали из торговли должную прибыль.

К 1913 г. количество ремесленных и фабрично-заводских предприятий (без учета торговых и транспортных) во Владивостоке составило около 760, из них 150 было японских.²³ О довольно быстром росте японского предпринимательства можно судить по данным справочника “*Урадзиосутоку дзидзё*”.

Так, к заведениям 1 разряда относилось 6 заведений: банк “Мацуда гинко”, экспортно-импортная компания “Мицуи ёко”, экспортом угля занималась “Мицубиси госи гайся”, вывозом соевых бобов из Маньчжурии через Владивосток на судах — “Кодэра ёко”, экспортно-импортными операциями с рисом — “Кёсин ёко”, морскими грузовыми перевозками — “Хаяси кайсотэн”.

К предприятиям 2 разряда была причислено 40 японских заведений. Среди них два рисоочистительных завода: “Сэноо” и “Сакома сэймайдзё”, фабрика по производству вермишели и консервный завод (Хориэ), большое количество фруктовых и овощных магазинов: “Кобаяси”, “Мукаи”, “Аоура”, “Китагами ёко”, “Адзума ёко”, “Итиро ёко”, “Танака гомэй гайся”, “Исихара сёкай”, “Кисю сёкай”, “Миками ёко”. Товарами повседневного спроса торговало 9 магазинов, одеждой — три, остальные

торговали стеклом и инструментами, изящными вещами, фотоаппаратами, часами. Интересно взглянуть на деятельность “Тани сётэн”. Хозяин этого магазина Тани Гэндзо занялся экспортом древесины из Приморья в Японию и преуспел в этом деле (первоначально имел только магазин). “Нитиро сёкай” торговала углем.

К предприятиям 3 разряда относились магазины фруктов, товаров повседневного спроса, одежды, мебели, баня “Токунага”. К еще более низшим разрядам с небольшим объемом производства и незначительным числом наемных рабочих относились 10 фотоателье, 19 столярных и плотницких мастерских (141 чел.); 19 мастерских пошива с магазином по реализации готовой продукции (127 чел.); 39 мужских парикмахерских (60 чел.) и 7 женских. К уже упомянутым гостиницам “Фусося”, “Токунага”, “Токусё” добавились “Такахира рёкан” и “Фукуда рёкан”. Насладиться японскими блюдами, пообщаться с гейшами можно было в “рёритэн”, 10 из которых было расположено в Корейской слободке и в более близких к центру районах города. Еще большее количество “рёрия”, около 60, где к услугам гостей имелись японские проститутки, были разбросаны в разных районах города, включая центр.

В городе 27 мастерских изготавливали и ремонтировали обувь, в них работали 120 чел., ремонтом часов и изготовлением дорогих украшений занимались 22 мастера, 14 малярных заведений и 37 прачечных обслуживало владивостокцев.²⁴

В годы первой мировой войны Япония добивалась отмены таможенных сборов с японских товаров и восстановления порто-франко во Владивостоке и на всем Дальнем Востоке в обмен на поставки оружия. Но царское правительство не пошло на удовлетворение этих требований, а дало лишь согласие на беспошлинный провоз японских овощей и фруктов и предоставление льгот по перевозке шелка-сырца по русским железным дорогам.

В 1916 г. была предпринята попытка изыскать возможность удешевления японского товара. Впервые во Владивостоке две японские компании приступили к изготовлению хлопчатобумажного белья. На ввозимые из Японии готовые товары цена была довольно высокая, значительно рентабельнее было завозить сырье из Японии, а не готовые изделия, “Нитиро сёкай” (частная компания под управлением Накамура Кэнкити с числом работающих 35 чел., включая китайцев) и “Кубо сётэн (с числом занятых 23 чел.) изготавливали рубашки, носки и другое белье.²⁵

“Нитиро сёкай” имела спичечный завод на Седанке, “Кавамура ками сэйхин когёсё” изготавливала картонно-бумажные изделия. “Токио Ямагути сётэн” владела отделением завода по обработке целлулоида.

Февральской буржуазно-демократической революцией в России завершился второй этап в истории японского предпринимательства во Владивостоке и в Приморье в целом. К этому времени в японских магазинах можно было приобрести одежду, ткани, овощи и фрукты, кондитерские и бакалейные изделия, мебель, изящные вещицы, часы и другие необходимые в быту вещи. Японцы монополизировали в городе стирку белья, парикмахерское дело; фотографические и часовые мастерские содержались в основном японцами, также велика была их доля в портняжном деле, изготовлении мебели и других сервисных услугах.

Февральская революция в России встревожила японских поселенцев. Опыт русско-японской войны подсказывал, что нестабильность ситуации в стране является угрозой иностранному предпринимательству. Первые месяцы прошли в тревоге и

волнениях, но не повлияли на положение зарубежных торговцев и других предпринимателей. Паника началась с объявлением запрета на экспортно-импортные операции. Правительство Керенского приняло два документа: “О порядке пропуска грузов по морским и некоторым сухопутным границам России” (от 29 июня 1917 г.; опубликован 10 августа) и “О закрытии государственной границы для въезда и выезда за границу” (от 13 июля 1917 г.; опубликовано 11 августа).²⁶

Получив специальное разрешение на выезд за границу, делегация японских поселенцев на русском Дальнем Востоке в составе: Хориэ (заместитель председателя “Урадзио кёрюминкай” и председатель секции торговцев и предпринимателей), Тайко Кисаку (председатель “Урадзио кёрюминкай”), Такэути Кадзудзи (представитель из Хабаровска) — отправились в Японию для консультаций относительно дальнейших действий в сложившейся обстановке. В Японии состоялась встреча с секретарем торгово-промышленной палаты Японии Ёсида, а в г. Осака делегация посетила Японо-русское торговое общество “Нитиро боэки кёкай”. В результате этих встреч было решено создать комитет протеста против запрещения торговли.

Запрет правительства Керенского сделал невозможным даже традиционный импорт яблок и овощей, Корейский банк (Тёсэн гинко), отделение которого имелось во Владивостоке, приостановил операции. Осенью Временное правительство в расчёте на использование японских войск в борьбе с революционным движением приняло решение о создании в торговых портах Приморья вольных гаваней. Японский бизнес, казалось бы, смог снова возродиться. Но воплотить данное решение в жизнь не пришлось: Октябрьская революция в России помешала этому. В январе 1918 г. вышел запрет правительства Ленина на торговлю продовольственными товарами.²⁷ Однако решение Продовольственного комитета о прекращении торговли продуктами было проигнорировано японскими торговцами.²⁸

Бум японской коммерческой активности начался с появлением в январе 1918 г. японских военных во Владивостоке. Японские резиденты усматривали в этом факторе предпосылки стабилизации обстановки и возможность расширить поле сервисной и другой предпринимательской деятельности. Поэтому японские подданные, да и часть русских, приветствовали высадку японских экспедиционных войск во Владивостоке 5 апреля 1918 г. С началом японской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке владивостокское отделение банка “Тёсэн гинко” (в феврале 1916 г. этот банк, купив все акции банковской конторы Мацуда, сделался ее владельцем) открыл отделения в Забайкалье, Приморской области. Иокогамский валютный банк [Ёкохама сёкин гинко или Ёкохама спешу банк] открыл представительство во Владивостоке в декабре 1918 г. “Тёсэн гинко” выдавал японским капиталистам кредиты на приобретение или аренду заводов, фабрик и приисков в размере 80% их стоимости.²⁹ “Ёкохама спешу банк” активно действовал в Маньчжурии как колонизационный банк, участвуя в денежных операциях при экспорте основных сельскохозяйственных продуктов из Северо-Восточного Китая; открыв свое отделение во Владивостоке, обслуживал “восточный путь” экспорта сельхозпродуктов из Маньчжурии через владивостокский порт, восточный участок КВЖД и Уссурийскую железную дорогу.

Японской командование обратилось ко всем членам Кёрюминкай с предложением за хорошую плату снабжать японские экспедиционные войска продуктами питания и предоставить жилье. Для этого должна была быть создана акционерная компания

“Ётацуся”. В учредительном собрании, проходившем под руководством военного Цунэкава, приняли участие члены правления Кёрюминкай. Требование Цунэкава адресовалось к богатым торговцам. 28 июня 1918 г. была образована компания “Гундзи ётацуся”, основными акционерами стали 25 крупных японских предпринимателей, но желающих было гораздо больше. Возглавил компанию Хориэ Наодзо. Эта компания выполняла интендантские функции по содержанию японских оккупационных войск, в том числе занималась снабжением атамана Семенова.³⁰

В 1919 г. была образована “Сибэриа сёдзи”. В нее вошли японские компании, и она вместе с “Гундзи ётацуся” занималась снабжением атамана Семенова. Ее президентом также стал Хориэ. В руководство входил и Сэноо.

Помимо этих акционерных компаний, росло число частных магазинчиков, рестораничек, публичных домов и прочих заведений, специализировавшихся на обслуживании японских военных. В газете “*Урадзио ниппо*” частыми стали рекламы таких заведений с пометкой “Для обслуживания японских военных”.³¹

К маю 1922 г. обстановка для японцев стала осложняться. Вмешательство японской военщины во внутренние дела России в конечном счете нанесло урон японскому предпринимательству, разрушило структуру связей с русским рынком. 14 мая 1922 г. на чрезвычайном собрании Кёрюминкай была принята декларация. В обращении к японскому правительству подвергся осуждению курс японского правительства в отношении России, в частности осуждались приведение в расстройство торговли и недооценка влияния русской среды на японцев, проживавших в России, забвение интересов на длительную перспективу и игнорирование политики, направленной на создание прочных корней для японского бизнеса в России.³² Петиция была подписана вице-председателем Кёрюминкай Хориэ, главой общества харбинских японцев, а также главами обществ г. Имана, г. Спасска, г. Николаевска. Но это было запоздалое прозрение, эйфория от оккупации рассеялась, дело шло к эвакуации иностранных войск из России. И начиная с конца октября 1922 г. начался массовый выезд японских резидентов в Японию.

Японская газета *Урадзио ниппо* [Ежедневная газета “Владивосток”]

Выпуск в течение 5 лет во Владивостоке японской газеты “*Урадзио ниппо*” — одна из интереснейших страниц из жизни японской диаспоры. Возможность издания газеты на японском языке открылась после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., провозгласившей в России свободу слова, печати, собраний.

Японские газеты доставлялись во Владивосток на рейсовых судах три раза в неделю и, пройдя таможенную, почтовую и цензурную, только через дней десять попадали к адресату. Русские газеты были тоже труднодоступны основной части японцев, так как уровень владения русским языком являлся барьером для свободного чтения текста. Быстро менявшаяся обстановка в центре России и на просторах Сибири пугала японских поселенцев, число которых к 1917 г. достигло 4–5 тыс. чел. В памяти еще не стерлись события русско-японской войны, когда все японцы спешно покинули Владивосток, прекратив свою предпринимательскую и всякую другую деятельность. Встал вопрос о необходимости информировать соотечественников, лишенных доступа к

средствам информации на японском языке, о политической и деловой ситуации во Владивостоке и Приморье. В то время на волне либерализации во Владивостоке появилось большое количество новых газет. Правда, в отношении разрешения на издание японской газеты были опасения, так как издание иностранной газеты не имело прецедента.

В июне было подано прошение на издание газеты уполномоченному правительству Керенского по Приморью. В следующем месяце был получен положительный ответ за подписью уполномоченного Приморского комитета Милова.³³

Помощь в подготовке издания оказал профессор Восточного института Е. Спальвин — большой знаток Японии, свободно владевший японским языком. Он был близким другом Идзуми Рёносукэ еще со времени учебы последнего в Токийской школе иностранных языков, где в то время преподавал. Идзуми как исполнительный директор Кёрюминкай возглавил работу по изданию газеты, став ее редактором и издателем.

Редакция газеты разместилась по Семеновской улице, 8 на втором этаже бани в помещении, ранее занимаемом одной из обанкротившихся газет. Однако не было типографского оборудования, японского шрифта. Получить его стало невозможно, так как в то время вышел указ правительства Керенского о запрете на импорт (август 1917 г.). Требовалось специальное разрешение из Петрограда. Но ввиду нараставших революционных событий ответ на запрос в столицу не был получен.

Газета должна была издаваться на средства, собранные японцами во Владивостоке, в основном предпринимателями. Значительную помощь в техническом оснащении оказал Наодзо Хориэ. В общей сумме торговцами было собрано почти 40 тыс. иен. Половина этой суммы предназначалась для приобретения бумаги, а остальные деньги — для покупки шрифта.

Хориэ вместе с Тайко Кисаку (председатель Кёрюминкай) и Такэути Кадзудзи из Хабаровска, получив от русских властей специальное разрешение на выезд за границу, отправился в Японию 15 августа для выяснения вопросов о дальнейших коммерческих действиях в сложившейся обстановке. Попутно с основной целью визита Хориэ, заказал в Осака печатный станок, шрифт и другое оборудование для типографии *Урадзио ниппо*. Оборудование пришло из Японии в конце октября 1917 г. Однако небольшая часть комплекта оборудования должна была быть доставлена ручным багажом. Из-за возникших на таможне трудностей эта часть была получена лишь в начале декабря. Типографские рабочие трудились день и ночь, не выходя из типографии. Первый номер газеты вышел 9 декабря 1917 г. В этом номере в редакционной статье отмечалось, что "...издание в России иностранной газеты неслыханно, и вместе с тем выход нашей газеты *Урадзио ниппо* действительно происходит впервые. И поэтому хотелось бы особо отметить, что наша *Урадзио ниппо* отныне является важным событием с точки зрения общества на Востоке, чтобы это всегда помнили и не забывали...". И далее: "...наша задача состоит в том, чтобы дать возможность гражданам России понять Японию, но, в первую очередь, чтобы Россия стала понятна гражданам Японии". "Территория, где расположен Владивосток, — это фактически зона контакта Японии и России, и наша *Урадзио ниппо* — важный и единственный орган, который должен обеспечить взаимное знакомство и понимание".³⁴ В первых номерах были помещены приветствия от известных людей

Владивостока, в том числе Николая Матвеева.

24 января 1918 г. состоялось общее собрание учредителей газеты, в число которых входили влиятельные японские предприниматели: Хориэ, Сэноо, Таго, Ито. Они решали вопросы финансирования газеты, определения размера заработной платы типографских работников и др.

К июню позиции газеты укрепились, был решен вопрос о размерах выплаты вознаграждений служащим и дивидендов акционерам. Через консульство осуществлялась финансовая поддержка газеты со стороны правительства Японии, которая в год составляла 7.200 иен.³⁵

Русский вариант газеты предполагалось выпускать с 1918 г., но не хватало технических средств. К 1920 г. в среде японских поселенцев утвердилось мнение о необходимости вывода из России японских войск. Обеспокоенное таким положением дел, руководство японских сухопутных частей во Владивостоке создало в противовес “*Урадзю ниппо*” свою газету “*Урадзю асахи*”. Но эта газета не имела столь большого воздействия на местное японское население и тем более на русское. Поэтому Идзомэ Рокуро, начальник спецорганов японских сухопутных войск в Приморье, предпринял попытку привлечь *Урадзю ниппо* к сотрудничеству. К тому же оккупационная армия не имела средств ведения пропаганды среди русского населения и поэтому проявила большой интерес к *ниппо*, намереваясь подчинить эту газету собственным интересам. С апреля 1920 г. стал издаваться вариант газеты на русском языке.³⁶ *Урадзю ниппо* на русском языке по содержанию отличалась от японского варианта, и ее выпуск преследовал цель успокаивающе воздействовать на Россию. Однако армия выделила минимальные средства на издание газеты, которых хватило лишь на приобретение печатного станка и шрифта да подержанного движка.³⁷ Идзуми Рёносукэ не устраивала столь жесткая позиция японских военных, и он вместе с другими членами редколлегии занимал твердую позицию не идти на поводу у Идзомэ. Газета по своей направленности была в основном торгово-промышленной, хотя обязательно присутствовали материалы на политические темы, носившие более информационный характер, нежели дискуссионный. В каждом номере сообщалось об общественной, экономической жизни Владивостока, о положении дел в японской колонии, печатались циркуляры японского консульства и другая информация. Рекламный отдел был одним из самых объемных как в японском, так и в русском вариантах.

Первоначально штат сотрудников редакции состоял из 12 человек, в редколлегии работали трое: Идзуми Рёносукэ, Табути Гиити, Нода Хисаси. Эти журналисты работали во Владивостоке как корреспонденты японских газет и одновременно сотрудничали в *ниппо*. Идзуми и Табути готовили серьезные статьи и вели литературную страницу. Спустя некоторое время редакция переехала в более просторное помещение по ул. Китайской, 11, а штат сотрудников пополнился Ямаути Фусукэ, Накаяма Садао, Хироока Мицудзи, Икэда Хисаси. Самой яркой личностью среди них был Ямаути — журналист телеграфного агентства “Дэнпо цусинся” (современное — “Дэнцу”). Он приехал во Владивосток за месяц до начала японской интервенции, в феврале 1918 г. и до октября 1922 г. работал во Владивостоке. Много времени Ямаути находился непосредственно в японской армии в Приморье и Восточной Сибири.

Идзуми помещал в газете статьи, в которых показывалась бессмысленность эскалации интервенции, а политика военных расценивалась как недальновидная.

Редактор и все журналисты были единомышленны в отношении японской интервенции, беспощадно критиковали действия военных, убивавших партизан и мирное население, грабивших местное население.

16 мая 1922 г. Идзуми и Отакэ обратились через газету к японскому населению Владивостока и Приморья, показывая бессмысленность пребывания японских оккупационных войск. Двумя днями позже Идзуми поместил передовую статью с тем же содержанием. То было первое открытое обращение к правительству и народу Японии от имени японских поселенцев, обеспокоенных их будущим.

В октябре 1922 г. газета была закрыта. Идзуми выехал в Японию. Хотя по некоторым сведениям, в форме небольшого листка она выходила до середины 30-х годов.

Японки во Владивостоке

Появление “женской армии” во Владивостоке относится примерно к середине 70-х годов прошлого века. В то время в Японии еще существовал запрет на свободный выезд за границу. Связь с внешним миром осуществлялась в основном через Нагасаки. Отсюда в разные страны мира: Америку, Бразилию, Китай, Россию — от нищеты и голода бежали девушки из бедных крестьянских семей, доведенных до отчаяния тяжелым сельскохозяйственным трудом и нехваткой земли, пригодной для возделывания. Из этих мест еще со второй половины периода Эдо (1603–1867 гг.) поставлялись люди на так называемые общественные работы для выполнения государственных повинностей. Тогда и родился термин “нагасакские общественные работники”. Молодые девушки стекались в Нагасаки из окрестных деревень и, когда порт Нагасаки был открыт, стали выезжать за границу.³⁸

В 1872 г. во Владивосток из Николаевска-на-Амуре была переведена Сибирская флотилия, корабли которой ввиду замерзания бухты Золотой Рог, на берегах которой располагался Владивосток, на зиму уходили в теплые воды Нагасакского порта. Там молодые японки знакомились с русскими моряками и, очарованные их рассказами о молодом городе на берегах туманного материка, отправлялись искать свою судьбу в неведомых краях. В публичных домах Инаса гостями были только русские, а женщины, предназначенные для развлечений, именовались *оросия дзёро* [русские проститутки]. Во Владивостоке, население которого в большей части составляли мужчины, девушки могли легко найти работу. В 1884 г. из общего числа японцев во Владивостоке 412 чел. мужчин было 119, женщин — 276, детей — 17.³⁹

Первое официальное упоминание о создании “женской армии” содержится в работе Мацуура Мицуми “Владивосток — военный порт России на Востоке”, опубликованной в 1897 г. Автор отмечает, что в то время в городе находилось 342 японские женщины.⁴⁰ По русским источникам, на январь 1898 г. во Владивостоке проживало 657 мужчин и 604 женщины,⁴¹ т.е. женщин было в 2 раза больше. По другим данным, в 1897 г. во Владивостоке проживало 732 японца и 938 японок.⁴² По данным того же источника, количество японских женщин во Владивостоке возросло с 274 чел. в 1891 г. до 1.410 в 1902 г. Возможно, в статистику были включены сезонные рабочие. Как видим, разброс в цифрах большой, но во всех случаях прослеживается тенденция быстрого увеличения японок во Владивостоке. По сведениям на конец 1909 г., во

Владивостоке официально было зарегистрировано 1.579 японцев, из них 843 мужчины и 736 женщин. Женщин, занимавшихся древнейшей профессией, было 230.⁴³ Молодые девушки приехали в основном из префектуры Нагасаки и Кумамото (Амакуса) соответственно 551 и 315, были и из других префектур: Сага — 124, Фукуока — 56, Осака — 46, Токио — 19, Ямагути — 40, Хиросима — 33, Эхимэ — 25, Ооита — 23, Кагосима — 16, Кёто — 12, Токусима — 15, Хоккайдо — 20, Айти — 20, Хёго — 19, Вакаяма — 17, Окаяма — 19, Исикава — 7, Ниигата — 7, Миядзаки — 15, Фукуи — 13, Сига — 7, Сидзуока — 7, Симанэ — 11, Кагава — 10, Тояма — 2, Канагава — 6, Аомори — 3, Мияги — 2, Фукусима — 1, Гифу — 3, Нара — 4.

Японские столовые [*рёрия*], гостиницы [*рёкан*], *собая*, *тофуя*, мастерские по изготовлению кимоно [*вафукуя*], женские парикмахерские [*камиби*] — все эти заведения появлялись в населенных пунктах и городах Приморья вслед за проститутками для их обслуживания. Занятые в этой сфере все вместе составляли примерно половину проживающих здесь японцев.

Владельцы японских публичных домов имели достаточно высокий доход, даже выше, чем владельцы магазинов 2–3 разряда. У одного хозяина было 5–6 девушек, а иногда до 14–15, возраст *сёги* был от 16–17 лет до 23–24. Такие заведения назывались *касидзасики гёся*, а комнаты *татами но хэя* и сдавались на 1–3 часа. Клиентами были низшие чины русских военных, рабочие, китайцы. Одна категория девушек, деньги за которых уже были получены их родителями в Японии, ничего не получала, кроме небольших чаевых от клиентов. Другая — получала 40% от заработанного, а 60 или даже 70% шло хозяину. Хозяин любимыми способами стремился удержать у себя деньги, а расчет делал в конце года. За месяц женщина зарабатывала 30 р., а иногда 150, но получала 12–60 р. Одежду покупали на свои деньги, которая была проще, чем одежда среднего уровня. Пища была скудна и однообразна: дешевый корейский или нанкинский рис, *цукэмоно* из *дайкона*, обычное блюдо — *мисосиру* [жидкий суп], немного говядины или *нори*, *такуан*, рис. Принимать приходилось в основном русских мужчин днем и ночью. Такие нагрузки пагубно отражались на здоровье девушек, они часто болели и были слабы, воспаление легких было распространенным заболеванием. Дважды в неделю полицейский врач проводил медицинский осмотр. В случае легкой болезни хозяин отделялся взятками, на которые в месяц уходило примерно 300 р., включая взятки и другим представителям полиции. Девушки должны были работать, несмотря на болезнь. О тяжело заболевших хозяин, как правило, не заботился, в больницу не помещал. И лишь в самых крайних случаях больную помещали в лечебницу, но затраты на лечение и пропуски в работе записывались в счет такой девушки. В комнате площадью примерно 5 кв. м находилось стол, стул, чайная полка, место для одежды.

В такие жуткие условия попадали молодые японки, преодолев неблизкий путь до Владивостока из Нагасаки или Цуруга, далее через Маньчжурию или Корею. Те, кто добирался по материку, сразу во Владивосток не попадали, а перемещались по поселкам и постепенно добирались до Владивостока. Прибывшие по морю попадали в Корейскую слободку. По пути в Россию агент по найму девушек пользовался ими как своими наложницами и следил, чтобы они не сбежали. Прибыв в Россию, мало кто из них обращался за помощью в японское консульство, обычно безропотно подчинялись хозяину; за помощью обратиться было невозможно даже в случае продажи в другие

места Сибири.

Девушки работали официантками или гейшами. Однако, если гость хотел провести с ней время в интимной обстановке, то отказывать в таком случае запрещалось. Сначала девушки попадали в качестве прислуги в ресторанчики в Маньчжурии, потом их насильно продавали в проститутки. Это был обычный путь пополнения “женской армии”.

По русским законам хозяином публичного дома не мог быть мужчина, поэтому оформление делалось под фамилию жены или сожительницы. На 10 *сёги* приходилось 2 чел. obsługi: один японец и один русский, в службе могли состоять и немолодые женщины среднего возраста, а также корейцы. Этот “штат” удерживал девушку в бесправном положении. При расчете в конце года, если девушка пыталась разобраться в махинациях хозяина, ее подавляли силой, угрожая и запугивая, надсмотрщицы [*банто*] били на виду у других девушек до полусмерти, продавали в другие публичные дома за пределы Владивостока. При сделке, если оставался долг, то хозяин продавал девушку за более высокую цену, таким образом долг возрастал, а несчастная полностью теряла свободу. Поняв, что пути на родину нет, *сёги* старались понравиться русским мужчинам и жить вместе с ними. В любовницы до 1910 г. было выкуплено во Владивостоке 300 девушек. 70% от этого числа выкупили китайцы, 30% русские, немного японцы и корейцы. В некоторых случаях в любовницы выкупали за деньги женщины. Пути на родину не было, возврата к нормальной жизни тоже. Теряя силы из-за скудной пищи и венерических заболеваний, некоторые девушки постепенно угасали и умирали. Кое-кому удавалось упрямить своих родителей помочь вернуться домой, но это были редкие случаи. Консульство и общество помощи слабым “Дзидзэнкай” [благотворительное общество] сами искали, кому нужно помочь, но таких просьб практически не было.

Впав в отчаяние, молодые японки довольно скоро расставались с мечтами о красивой одежде и возвращении на родину с деньгами и впадали в отчаяние. Надежды девушек, проданных в Маньчжурии, поправить свои дела во Владивостоке разбивались о гранит суровой действительности. Те женщины, которые жили вдоль границы с Китаем, по нескольку лет не видели японцев, не получали писем из Японии, не могли свободно посещать соседние населенные пункты. Они, как правило, становились женами китайцев, носили китайскую одежду, и по внешнему виду их невозможно было отличить от китайок. И лишь по манерам в них угадывалась японская женщина. Китайцы заставляли курить опиум, чтобы они не убежали. Через несколько лет такой жизни образ японской женщины стирался, цвет лица становился желтым, а впереди ждали болезни и ранняя смерть.

Немного, но были проститутки, пользовавшиеся доверием хозяина. Им предоставлялась возможность побывать в Японии, рассказать молодым девушкам в их родных местах о “хорошей” жизни во Владивостоке. Были и так называемые вольные проститутки. Они работали в тайных борделях. В одном таком заведении было занято от 5–6 до 10 женщин. Это заведение не было ни публичным домом, ни гостиницей или рестораном. Таких мест было 17. Кроме того, жившие с китайцами женщины, занимались проституцией, обслуживая только клиентов-китайцев, их было около 100 чел.⁴⁴ Японки также работали в банях, пивных залах, в столовых, в пансионах (меблированных комнатах), но занимались проституцией на 2–3 этажах в

этих же зданиях. Вход и выход из комнат был тайным. В тайных борделях жизнь японки была несколько легче, так как утренний подъем, сон были по желанию. В публичных же домах все делалось по команде хозяина. Работа продолжалась с 9 утра и до 12 ночи. В месяц выходило около 100 р., из которых только половина доставалась женщине, остальные — хозяину. Девушки из публичных домов хотели попасть в “вольные *сёфу*” и работать в тайных борделях, так как здесь получали наличные ежемесячно. Поэтому, отработав у хозяина по контракту, многие пореходили в так называемые вольные проститутки. В эту категорию попадали девушки и из домашней прислуги, и работавшие нянями. Их привлекала возможность заработать большие деньги. Были проститутки, жившие с мужчиной и даже имевшие мужа.

При японском буддийском храме “Урадзио хонгандзи” было объединение проституток “Акэбонокай”, куда они могли обращаться в случае выезда или для почтового отправления. Все члены ежемесячно платили 20 к. в качестве членского взноса, а хозяин отчислял 1 р.

В составе “Урадзио кёрюминкай” из 14 профессиональных групп одна была объединением владельцев домов свиданий (чайных и публичных домов). Эта группа вносила весомый материальный вклад в кассу Кёрюминкай. Об этом, например, свидетельствует такой случай. По прибытии во Владивосток эскадры контр-адмирала Ясиро из 300 р., собранных с 2.000 японцев, на церемонию встречи содержатели публичных домов внесли около 800 р.⁴⁵

По данным Владивостокского городского полицейского управления, в 1913 г. во Владивостоке проживало 314 японских проституток, в основном в возрасте 18–22 лет, редко 23–25 лет.⁴⁶ Владивосток был поделен на полицейские участки с присвоенными им номерами. В 3–5 полицейских участках, охватывавших центральную часть города, на 1 января 1914 г. было 68 домов свиданий, из них 19 было японских.⁴⁷ В частности, комнаты свиданий были в гостинице “Боярские номера”, на улицах Алеутской, 26, 44; Китайской, 17; Комаровской, 36; Пекинской, 18.

По сведениям русской контрразведки, японские публичные дома нередко служили пристанищем для японских разведчиков, у которых были не в порядке паспорта. В Корейской слободке в доме под вывеской “Секучай” [*Сёкай*] обычно останавливались разведчики, прибывшие из Маньчжурии, Монголии и Забайкалья. В публичном заведении №32 по ул. Пекинской, 18 и в кумирне на ул. Фонтанной проживал Уэда (Ёсидадо), который якобы с целью революционной пропаганды и с фальшивыми деньгами выехал в Сибирь.⁴⁸ В донесениях русской контрразведки за 1912 г. фигурировала фамилия содержателя дома терпимости №30 в Корейской слободке Садакити Танака, который был выслан комендантом Владивостокской крепости как подозреваемый в шпионаже.⁴⁹ По данным царской контрразведки, “организация” японских публичных домов имела следующую структуру. Во главе “дома” стоял “хозяин”, в большинстве случаев офицер генштаба. “Хозяин” одного из таких “домов” являлся резидентом в данном пункте, остальные “хозяева” — его помощники. В каждом из домов имелось еще по несколько японских военных в штатском. Роль проституток в большинстве случаев являлась второстепенной, прикрывающей работу резидента и его помощников.⁵⁰ Возможно, многие из японских подданных не подозревали о своей роли в японской разведывательной службе.

В марте 1917 г. сразу же после Февральской революции в России Городская

дума Владивостока постановила закрыть публичные дома, в том числе и японские, даже имевшие лицензию на свою деятельность.⁵¹ От японского генерального консула был заявлен письменный протест с указанием, что проведение в жизнь этого постановления “нанесет весьма существенный ущерб японской национальной промышленности...”.⁵²

Популярны были во Владивостоке японские прачечные, особенно среди простого русского населения. В этих заведениях также работали молодые японки. По сведениям на 1910 г., из 312 японских заведений 38 были прачечные. В них работало 109 мужчин и 76 женщин. Условия труда были нелегкие. Зимой, которая длится во Владивостоке фактически 5 месяцев, приходилось стирать в тяжелых условиях, получая в месяц от 5 до 15 р. Жилые помещения скорее походили на каморки, поэтому можно понять желание молодых японок работать в публичных домах свободными проститутками.

Во Владивостоке японки работали также и нянями, и служанками. Они пользовались популярностью в этой роли, так как считалось, что характер у них мягкий, они много работают и делают свою работу молча. Особенно был высок спрос на нянь, говорящих по-русски. Месячная зарплата составляла 10 р. В городе в 1910 г. было 155 японских нянь.⁵³

В 10 японских мастерских по пошиву одежды работало около 50 портных, большинство которых составляли японские женщины. Заработок в месяц составлял от 30 до 40 р. Шили костюмы, брюки, жилетки. Особенно много заказов было перед Новым годом, летом и весной.

Японки ехали во Владивосток в надежде обеспечить себе более или менее сносную жизнь, убежать от голода и нужды. Вряд ли их мечты можно считать сбывшимися. Нелегкая судьба складывалась у них в этих краях. Тем не менее они внесли своеобразный колорит в пеструю картину жизни приморского города и отношение жителей портового города к ним было благосклонное.

* * *

Морозным зимним утром начала февраля 1996 г. Я и моя спутница г-жа Мати Хориэ, внучка одного из влиятельных предпринимателей того времени, бродили по центральным кварталам Владивостока. Холодный порывистый ветер, дувший с Амурского залива, обжигал морозом лицо. Но мы почти не замечали зимней стужи: наши головы и сердца были разгорячены от прикосновения к истории ее предков, к истории родного Владивостока, к судьбам людей, память о которых хранят дома, где они жили, вели торговлю, растили детей.

Улице Алеутской (25 Октября) возвращено ее первоначальное название. Здесь сохранилась группа домов постройки начала века. В обветшалых фасадах домов узнаем магазин Наодзо Хориэ, слева и справа — бывшие японские магазины Сэноо и Ота. Напротив — Косой переулок (ул. Мордовцева). Канули в лету “Токива”, здание магазина “Тани сётэн”. Сохранилось здание из красного кирпича. Входим через арку во двор и попадаем в старый Владивосток. Ветхие деревянные лестницы, потрескавшиеся стены, маленькие оконца, лабиринты проходов между внутренними строениями... Часть помещений населена владивостокцами, которые вынуждены ютиться в этих не отвечающих современному уровню жизни строениях, но

тут же бросаются в глаза аляповатые вывески с малопонятными названиями торговых фирм и разного рода контор новых русских предпринимателей. А некогда здесь размещались “Ивакава сётэн”, увеселительное заведение “Кантоки” с песнями и гейшами, “Нагасима ёфуку тэн” и еще несколько ресторанчиков и магазинов. В одном из домов этого двора располагался завод искусственных вод Кобаяси.

В конце Алеутской улицы на границе с Корейской слободкой некогда возвышалось на пригорке строение “Урадзио хонгандзи”. Его давно уже не существует, лишь фрагмент опорной стенки из почерневшего тесаного камня, да выступающие из земли несколько камней фундамента хранят память тех дней. Г-жа Ёнэко Тойдзуми, служителя последнего буддийского слжителя храма, посещает Владивосток не менее двух раз в год, несмотря на свой преклонный возраст, она ведет большую работу как председатель Общества дружбы префектуры Фукуи и Владивостока. Ее энергией можно восхищаться. Но, думается, еще и память о ее молодости и друзьях влечет г-жу Е. Тойдзуми в этот город.

Больше не существует деревянное здание японской школы, на его месте строится здание банка, которых теперь в России, наверное, больше, чем в любой другой стране. Остался квартал китайской “миллионки”, здесь вперемежку находилось китайские, японские, корейские заведения различного назначения: от магазинной до публичных домов. Часть зданий почти разрушена, и в небо упираются лишь каркасы без крыш. Во внутренних дворах, в уцелевших домах еще даже в большем количестве, чем в Косом переулке, разместились различные конторы, офисы частных фирм новоявленных предпринимателей. Но бог с ними, пусть живут, они хотя бы частично приводят в порядок рушащиеся дома — реликты Владивостока.

Далее мы решили пройти по Пекинской улице (адмирала Фокина). Эта улица теперь еще именуется Торговой, так как “украсилась” торговыми киосками, стоящими в два ряда от перекрестка с Алеутской улицей до моря. Все дома здесь сохранились. На указанном участке раньше размещались публичные дома, магазины. Но в той части, что ближе к Океанскому проспекту (Китайская улица), стоит здание Японского консульства (построено в 1916 г.), напротив “Дом Дэмби”, где некогда размещался “Тёсэн гинко”, В соседнем доме (в Настоящее время администрация Фрунзенского района города) находились “Мори сётэн” как представительство судоходной компании “Аванокуни”, пароходные представительства “Осака сёсэн кабусики гайся” и “Тёсэн юсэн кабусики гайся”, которые были представлены “Хаяси кайсотэн”, и экспортно-импортная контора “Хаяси ёко”, магазины “Суганума сётэн” и “Кураока сётэн”. Соседнее здание занимали гостиница высокого класса “Фусося” и торговая компания “Ёнэдзаки сёкай”. На Пекинской в гостинице “Националь” размещалось представительство “Кухара когё кабусики гайся”. Еще два интересных здания сохранилось в центре города: “Сугиура кайся” на Пекинской улице в одном ряду с вышеуказанными домами, и редакция *Урадзио ниппо* — на углу Океанского проспекта и Семеновской. Оба были надстроены и поэтому изменили свой внешний вид. Стоя перед бывшей конторой *Урадзио ниппо*, мы вспомнили *танка*, написанные его редактором Идзуми во Владивостоке:

Солнечный луч пробивается через двойное окно,
Где стоят цветы нарцисса,
Любуюсь цветами, попивая чай.

Напоминание о теплой комнате и чае пробудило желание вернуться домой, тем более что зимнее солнце уже опустилось к горизонту и город стал погружаться в сумерки. За один раз невозможно пройти всеми улицами и переулками Владивостока, связанными с историей японцев в этом городе, и невозможно в одной статье описать всю историю японской диаспоры в этих краях.

Примечания

- * Автор признательна японским друзьям и коллегам, предоставившим свои публикации и материалы, оказавшим помощь в обработке текстов на старом японском языке, проф. В. Фудзимото, проф. Т. Хара, проф. Т. Акидзуки, проф. К. Хиями, проф. Сиратори, г-же М. Хориэ, г-же М. Инояма, г-же Е. Тоидзуми, г-же К. Сугияма.
- 1 Подробнее см.: Петров, А. И., “Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма. 1861–1917 гг.,” Автореф. дис. ...канд. ист. наук (Владивосток, 1988).
 - 2 Подробнее см.: Соловьев, Ф. В., *Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917)* (М., 1989).
 - 3 Граве, В. В., *Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье* (СПб., 1912), стр. 204.
 - 4 Васкевич, П., “Материалы к изучению быта японцев в Приамурском крае,” *Вестник финансов, промышленности и торговли*. ЦГИА РФ, ф. 3940, лд. 7. л.264 об.
 - 5 *Урадзио аннай* [Путеводитель по Владивостоку] (Токио, 1902), стр.130–132.
 - 6 Спальвин, Е. Г., “Официальные сведения о японских обществах в Приамурском крае, в частности во Владивостоке,” Записка от 4 октября 1911 г. РГИА ДВ. Ф. 226.0.1, д. 645.
 - 7 Урадзиосутоку сорёдзикан хококусё [Отчет Генерального консульства во Владивостоке], Нихон гаймусё сирёкан [Архив МИД Японии]. 1910. 6.1.6.88, стр.6.
 - 8 Граве, В. В., *Указ. соч.*, стр.207.
 - 9 *Там же*.
 - 10 *Там же*, стр.211.
 - 11 Доклад о постановке дела во Владивостокской частной элементарной школе для японских детей. 7 июля 1915 г. АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, д.72. л.69.
 - 12 ЦГИА (г. Санкт-Петербург). ф.1276.0.6, д.613, л.41.
 - 13 Там же, л.33.
 - 14 АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части..., д.72, л.69 (об.).
 - 15 Каваками, *Урадзиосутоку* [Владивосток], 1892, стр.46.
 - 16 Мацуура, М., *Урадзиосутоку* [Владивосток], 1897, стр.74.
 - 17 *Урадзио аннай* [Путеводитель по Владивостоку], 1902, стр.42.
 - 18 Галлямова, Л., “Японское предпринимательство во Владивостоке. 1900–1913 гг.,” *Россия и АТР* (Владивосток, 1992), №2, стр.33.

- 19 *Урадзио аннай*, стр.43.
- 20 Васкевич, П., Указ. соч., л.261 об.
- 21 Граве, В. В., *Указ. соч.*, стр.202.
- 22 Спальвин, Е. Г., Указ. соч., стр.14.
- 23 Галлямова, Л., Указ. соч., стр.34.
- 24 *Урадзио дзидзё* [*Справочник “Владивосток”*], 1915, стр.199–207.
- 25 *Голос Японии. Нитиро дзицугё симпо*, 1916, стр.41.
- 26 Собрание указаний и распоряжений правительства, издаваемое при правительственном сенате (Петроград, 7 августа 1917), №184.
- 27 Кутаков, Л. Н., *Россия и Япония* (М., 1988), стр.343.
- 28 Дневник Хориэ Наодзо, 1918. Неопубл.
- 29 *СССР и Япония* (М., 1987), стр.20.
- 30 Дневник Хориэ Наодзо.
- 31 *Урадзио ниппо*. Газета. 1918–1922 гг.
- 32 Дзайгай кёрюминкай канкэй [Различные материалы относительно обществ резидентов за границей], Архив МИД Японии. 1922 3.8.2.336.
- 33 Хияма, К., *Урадзио ниппо сорицуся Идзуми Рёносукэ* [*Основатель “Урадзио ниппо” Идзуми Рёносукэ*] (Токио, 1981), стр.89.
- 34 Цит. по: Фудзимото, В., *Нихондзин то Урадзиосутоку* — *Сясин то дэта-дэ миру энкайсю тихо-но субэтэ* [*Японцы и Владивосток: Приморье через фото и факты*] (Токио, 1993), стр.47.
- 35 Дневник Хориэ Наодзо.
- 36 Почти полностью подшивка газеты хранится в Государственном архиве Приморского края (г. Владивосток).
- 37 Хияма, К., *Указ. соч.*, стр.96.
- 38 Хара, Т., *Сибэриа сюппей. Какумэй то кансё. 1917–1922* [*Отправка войск в Сибирь. Революция и интервенция. 1917–1922*], 1989, стр.9.
- 39 Курахаси, М., *Кита-но караюки-сан* [*Северные проститутки*], 1989, стр. 23. Табл.
- 40 Мацуура, М., *Указ. соч.*, стр.7.
- 41 *Приморская область. 1856–1898 гг.* (СПб., 1900). Унтербергер, Приложение 1-ое а.
- 42 П. Васкевич, Указ. соч., л.263 об.
- 43 Урадзиосутоку сорёдзикан хококусё, стр.38.
- 44 Там же, стр.46.
- 45 Спальвин, Е., Указ. соч., стр.20 об.–21.
- 46 РГИА ДВ. ф.515, о.2, д.105, л.156.
- 47 РГИА ДВ. ф.515, о.2, д.105, л.187.
- 48 ЦГИА. Фонд 6с/102, дело 282, лл.90–93.
- 49 АВПРИ. Фонд Чиновник по дипломатической части. 192, дело 107, л.51.
- 50 Звонарев, К., *Японская разведывательная служба* (М., 1934), стр.51.
- 51 АВПРИ. Фонд Миссия в Токио, д.221, л.193.
- 52 Звонарев, К., Там же.
- 53 Урадзиосутоку сорёдзикан хококусё.